

# ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

**Д**А, ВЫ ходили в атаку? Впервые в жизни? И вот так — под свистящими вокруг фашистскими пулями, взрывающимися вокруг головы султанчики пыли, когда ты, не добежав нескольких шагов до окопов противника, зарываешься в землю, пытаешься вжаться в нее, спрятаться от этой тонко поющей смерти? «...Гурин выскочил из траншеи и ринулся вперед. Пули свистели у самой головы, и он плюхнулся на землю. Только хотел подняться, чтобы бежать дальше, как рядом разорвалась мина, за ней другая, третья. Начался минометный обстрел. Гурин вжался в землю, однако вспомнил лейтенантов наказ — броском вперед, — рванулся, побежал. Не видя поблизости никакого укрытия — ни бугорка, ни выемки, — упал на ровное место, спрятал лицо в стерню. И вовремя сделал, так как тут же над ним пропело несколько пуль... Вскочил, не помня зачем закричал «ура», выстрелил куда-то в сторону немецких траншей, пробежал несколько метров, упал. Снова вскочил, снова выстрелил и нырнул головой в большую, наверное от бомбы, воронку. Тяжело дыша, оглянулся. Там-сям лежали солдаты».

Не очень красиво, да? И совсем не так торжественно, как иногда бывает в кино. Спереди фашисты бьют, сзади командир с пистолетом в руке кричит: «Вперед!» И эта все время сверлящая мозг мысль-молитва: «Нет, меня не убьет... Меня не убьет...» «Да и почему должно... меня убить? Именно меня?.. Нет, этого не может быть. Я молод, я жить хочу, я умею слагать стихи и хочу быть знаменитым... И вдруг убьют!.. Нет, меня не должно убить...»

А какая тишина и какое удивительное состояние после боя — будто родился заново: «Простор!.. Простор-то какой!.. И можно стоять во весь рост!» Гурин смотрел вокруг так, будто был выпущен на свет божий из долгого и темного заточения. До сих пор видел перед собой только землю и ходил по ней не иначе, как согнувшись, да и не ходил, а бегал, ползал по ней, сидел в ее глубине. Мимо проплыла паутинка, паучок на ней полетел куда-то. Гурин проводил ее глазами. «Боже мой, благодать-то какая!..»

Только расслабился солдат, порадовался, что жив, и тут опять приказ — в атаку. И еще, и еще... «Если бы знать, сколько раз ему предназначено попытать свою судьбу?»

«Три круга войны» Михаила Колосова продолжают серию его повестей о Василии Гурине — паренке из донбасского рабочего поселка. В «Карповых эпопеях», «Гаврюшкиной любви», «Старой акации» мы познакомились с Васей

сем ничего не сообщает...»

Что более всего впечатляет в повести М. Колосова? Правда. Человеческая, психологическая, художественная. Много в повести М. Колосова удивит нас своей откровенностью, какой-то бесхитростной правдивостью.

Автор нигде ни словом, ни фразой не впадает в патетику, в возвышенно-героический пафос; он рассказывает просто, непритязательно.

## ВЫ ХОДИЛИ В АТАКУ?

Михаил Колосов. «Три круга войны». Повесть. Журнал «Новый мир», №№ 2—3, 1981.

Гуриным, когда он был еще мальчишкой. И вот теперь Василий, пережив ужасы фашистской оккупации, вместе с Красной Армией идет освобождать города и села, еще стоящие под кованым сапогом гитлеровцев. Идет Гурин вместе с нашими наступающими частями и постепенно обретает выработку, уверенность, стойкость. После боя, сменив винтовку на автомат, он и вовсе почувствовал себя бывалым солдатом, хотя еще совсем недавно с таким трудом заставлял себя оторваться от земли и устремиться на врага: «Идет, а руки на автомате держит — одну на приклад положил, другую на кожку. Идет вразвалочку, точно так, как тот солдат, которого он впервые встретил на своей улице после оккупации. Радость распирает Гурина, хочется показаться кому-то, покрасоваться, похвастаться. Но перед кем? Кого тут удивишь? Но ему все равно радостно, будто награду получил».

До награды, однако, еще далеко, хотя и она в свое время будет вручена Василию. А сейчас — жестокие будни войны. Вот первый раненый на глазах Гурина боец — им оказался его друг Степа, и первый убитый — сержант. И уже Гурин — командир отделения. И три атаки на день. Хотя идет 1943 год, и немец отступает, не дерется отчаянно.

А вот и первое ранение Гурина. И первый госпиталь. Все впервые. И это удивление сообщением Совинформбюро: «Он ждал, что в нем будет расписана вся жуть, какую он пережил, но там лишь сухо подводились итоги. И он разочарованно подумал, что сводка об их наступлении сов-

сем ничего не сообщает...» В. Астафьев, как-то выступая по телевидению, на вопрос о том, какой день войны ему особенно запомнился, ответил, что вся война запомнилась ему как страшно тяжелый, ежедневный, напряженный труд М. Колосова как раз и рисует эти трудные дни ратной работы. Его Гурин не только ходит в атаку, он совершает мучительные многокилометровые переходы по грязи и распутице, строит под огнем переправы и роет, роет эту землю, чтобы уцелеть и выжить и в конечном итоге победить.

А оказавшись в сержантской школе, своей «первой военной академии», где он учится на младшего командира, а потом и сам готовит себе смену, Гурин скоро убеждает, что новое его занятие ничуть не легче, чем прямое противостояние врагу. Как трудно, например, внушить солдатам, видевшим зверства гитлеровцев на нашей земле, что надо отделять фашизм от немецкого народа. В повести есть страшная сцена, когда сержант Грибков (его родители немцы, сожгли жажо), ступив на территорию Германии, яростно топчет землю, на которой «выросла фашистская зараза»: «Вот тебе, вот тебе!..»

И командирам, и политработникам (Гурин к этому времени становится комсоргом роты, а потом и батальона), осознающим всю справедливость гнева наших бойцов, приходится терпеливо объяснять им, что фашизм — это одно, а Германия — другое.

Беседы, выпуск «боевых листов», проведение политзанятий — в этом тоже была нужда на войне, и М. Колосов рассказывает об этом подробно и со знанием дела.

Психологический портрет Гурина в повести дан объемно, со всеми штрихами и черточками характера — здесь и первый страх в бою, и его преодоление, и постепенное мужание, и первое серьезное чувство к девушке, и обида из-за несправедливого, чрезмерно подозрительного отношения к нему со стороны капитана Шульгина. Вместе с тем другие герои повести даются главным образом глазами Гурина и в основном с внешней стороны. Это не способствует глубине раскрытия их чувств и переживаний. И все же такие характеры, как Грибков, честный и справедливый майор Кирьянов, трусоватый и наглый Харламов, так и не обретший строгой офицерской выправки лейтенант Елагин (до войны он был учителем), запомнятся читателям. А главное — у читателя останется ощущение, будто он тоже прошел вместе с Гуриным трудными дорогами войны — от донбасского поселка до Берлина. Три круга войны, пройденные парнишкой, у которого, когда он стал красноармейцем, только

пробивался над губой пушок. — может быть, не все девять кругов ада (многие испытали больше), но что это такое, знают только те, кто там был.

Гурин — не герой в том смысле, какой мы часто вкладываем в это слово. Он рядовой солдат войны, ее, если хотите, главный работник, без которого, однако, не было бы победы. Таким его изобразил автор, не пожелавший ничего приукрашивать, считающий, очевидно, что писать о людях, ежедневно в течение нескольких лет шедших на смерть, можно только правду. Может быть, кто-то не согласится с автором и его героем, упрекнет их в чем-то. Но на все возможные упреки они могут ответить словами Гурина, брошенными им одному из своих оппонентов: «...ты не высканивал из окопов под пулеметным огнем, ты не бегал под снайперскими пулями, не врывался в немецкие траншеи, не штурмовал высоты... Ничего этого ты не делал...» И возразить на это будет трудно.

Павел УЛЬЯШОВ